

В.А. Четвернин

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ПРАВА И ТИПЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Либертаризм и социализм

*Социалисты произвели семантическую революцию,
изменив смысл слов на противоположный.
Людвиг фон Мизес¹.*

*Социалист – вот, без сомнения, наиболее подходящий термин
для обозначения защитников гражданского общества
и свободных рынков. ...можно сказать, что те, кто защищает
социальную власть, являются социалистами, а те,
кто поддерживает государственную власть, являются этатистами.
Но увы, в США и слово «социалист», и слово «либерал»
закрепили за собой те, кто не отстаивает
ни гражданское общество, ни свободу.
Дэвид Боуз².*

Свобода понимается в либертаризме как социокультурный феномен – такой тип социальных взаимодействий, когда произвол каждого ограничен равным для всех запретом агрессивного насилия³ (это одна из дефиниций принципа формального равенства). Запрет агрессивного насилия, хотя и не признается противоречащим природе человека, тем не менее считается не естественным феноменом, а атрибутом социокультуры, причем ее особого типа. Всеобщность этого запрета означает, что он распространяется и на произвол любого большинства, являясь условием либеральной демократии.

В либертаризме представлена и более широкая трактовка свободы, вытекающая из тезиса о естественной (в буквальном смысле) и неотчуждаемой самопринадлежности человека («принцип собственности человека на самого себя»). «В этом смысле, – пишет Г.Г. Сапов, – человек свободен по определению. Свобода – предпосылка любой человеческой деятельности, в том числе и подавления других людей или интеллектуального противостояния идеям свободы. Всем известные случаи добровольного отказа от своих прав на себя в пользу других, когда люди уверены, что они принадлежат другим, не опровергают праксеологической универсальности прин-

¹ Мизес Л. фон. Свобода и собственность [Лекция, прочитанная Л. фон Мизесом в Принстонском университете в октябре 1950 г.] // Людвиг фон Мизес. Либерализм / Пер. с англ. М., 2001. С. 196.

² Боуз Д. Либертарианство: История. Принципы. Политика. Челябинск, 2004. С. 27.

³ «Каковы пределы свободы? Вывод из либертарианского принципа, гласящего, что каждый человек имеет право жить так, как он считает нужным, если он не нарушает равные права других, таков: ни у кого нет права совершать агрессию в отношении человека или чьей-либо собственности» (Боуз Д. Указ. соч. С. 84).

ципа самопринадлежности. Самопринадлежность (свобода) человека есть свобода в мыслях и поступках. Что касается рабства, то именно подвластный человек утверждает право других на себя, именно раб определяет, является он рабом или нет. Это и означает логическую первичность свободы, или самопринадлежности: чтобы быть рабом, нужно иметь свободу считать себя таковым»⁴.

С социально-психологической точки зрения такая интерпретация свободы, возможно, и выглядит логичной, но с юридической позиции она неприемлема: право регулирует внешне выраженное поведение, и теоретическая юриспруденция не знает, считает ли раб себя таковым в силу свободного выбора или же он вообще ничего не думает по этому поводу. «Голова – предмет темный и исследованию не подлежит» (Г. Горин. Формула любви). Теоретическую юриспруденцию, объясняющую феномен правовой свободы, не интересует человек, свободный «в себе». Для нее существует только свобода, выражаемая в социальном взаимодействии, и свободными (и правомерными) признаются взаимодействия без агрессивного насилия. При этом отношения господина и раба рассматриваются именно как агрессивное насилие, исключающее свободное поведение одной из сторон⁵, или как вынужденное подчинение силе, но не как «свободное» вручение себя во власть другого. Свободное подчинение предполагает договор, который можно расторгнуть, восстановив свою свободу в полном объеме, а «безоговорочное вручение себя» предполагает иной тип культуры, принципом которой является принуждение, а не взаимодействие, иначе говоря – сила, мощь, потестарность (от лат. *potestas*), а не свобода⁶. Таким образом, нужно различать культуры правового типа, где нормой является свободная деятельность, а «отказ от свободы» – психическая патология, и культуры потестарного типа, где нормой является агрессивное насилие, даже если оно – легитимное, институционализированное, не выражающееся в непосредственном применении силы.

Юридический *либертаризм* определяет право как необходимую форму *свободы* (равенство в *свободе*, или *формальное равенство*) и, в таком качестве, объясняет его как специфический, не универсальный соционормативный регулятор. Формальное равенство означает признание людей равными, невзирая на фактические различия между ними, в частности, *имущественные или социобиологические различия*. При правовом регулировании люди имеют формально равные возможности свободной самореализации в обществе, хотя фактически возможности у всех разные. Люди уравниваются как свободные индивиды, а не как носители каких-то социальных ролей или качеств. Все последние признаются вторичными по отношению к первичной роли свободного индивида и являются у всех людей разными в силу фактически разных возможностей, способностей, намерений и т.д. В частности, в либертарной парадигме первый богат и последний нищий считаются равными – равными в свободе. Этим либертаризм отличается от разного рода социализма (того, что сегодня называют социализмом, отличая его и от либертаризма, и от советского, китайского и подобного коммунизма), от идеологии (и практики) уравниловки и, в частности, от идеологии уравнивания «фактических возможностей использования равных прав»⁷.

⁴ Сапов Г.Г. Собственность: условие человеческой деятельности и юридическая категория // Отечественные записки. 2004. № 6 (20) [<http://www.strana-oz.ru/?numid=21&article=970>].

⁵ Исторически свобода проявляется в ее противоположности несвободе рабства (см.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2001. С. 233)

⁶ См.: Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 345–346).

⁷ В наше время вопрос о равенстве возможностей запутан до невозможности. Социалисты в этом вопросе настаивают, что нужно различать «свободу от» и «свободу для». Первая означает, что нельзя препятствовать человеку в свободном использовании фактически имеющихся у него ресурсов для достижения некой не противоправной цели. Вторая же предполагает, что для достижения такой цели у человека должно быть достаточно ресурсов, а если их не хватает, то человек несвободен. Следовательно, чтобы каждый человек был «свободен для...» (для чего именно – это самостоятельный вопрос, для решения которого придется позво-

Рассмотрим категорию формального равенства более подробно. Смысл его однозначно раскрывается В.С. Нерсесянцем как признание людей – *независимо от их фактических различий* – равными в свободе, причем в работе 1996 года столь же однозначно говорится, что *всеобщее* формальное равенство достигается при капитализме «в виде признания формального (правового) равенства и свободы всех членов общества независимо от их имущественного положения и иных различий между людьми»⁸. Соответственно справедливость, тождественную формальному равенству, в ее правовой *всеобщности* В.С. Нерсесянц противопоставлял распространенным под названием «социальная справедливость» *партикулярным* притязаниям, за которыми скрываются требования привилегий или уравниловки, выдвигаемые, в частности, с позиции экономического интереса⁹.

Свободу в ее формальном выражении В.С. Нерсесянц определял через ее необходимую правовую форму: правовая свобода (а иной свободы просто нет) выражается запретами и дозволениями, установленными по принципу формального равенства¹⁰. Свободные индивиды как «материя», носители, суть и смысл права – это «формально (юридически) свободные личности»¹¹. (Такое понимание свободы предполагает и ее известное определение через права и свободы индивида: осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других). Свободу же в ее материальном выражении он объяснял через институт собственности: свобода достигается там, где индивид признается собственником средств производства и признаются отношения собственности в целом¹².

В.С. Нерсесянц специально отмечал, что признание фактически различных, неодинаковых индивидов формально равными (равными в свободе) *неизбежно*

лить одним людям определять за всех, какими минимальными благами должен быть, при его желании, наделен каждый, и решение это всегда будет произвольным), некоторые, не имеющие достаточно способностей или имущества, должны иметь возможность пользоваться для своих целей ресурсами других людей. Логическим выводом из этих рассуждений является идея коммунизма, все остальное будет паллиативом. Но социалисты предпочитают говорить о «праве на равенство возможностей», означающее равные шансы на успех в жизни. По этому поводу Д. Боуз замечает, что «люди, которые понимают слово “равенство” в этом смысле, обычно имеют в виду равные права, однако попытка создать истинное равенство возможностей может быть столь же диктаторской, как попытка обеспечить равные результаты. Дети, растущие в разных семьях, никогда не будут в равной степени подготовлены к взрослому миру, однако любая альтернатива свободе семьи приведет к созданию государства-няньки еще худшего порядка. Логика полного равенства возможностей вполне может привести к решению, описанному в рассказе Курта Воннегута “Гаррисон Берджерон”, где красивых уродуют шрамами, грациозных заковывают в кандалы, а умных постоянно сбивают с мысли звуковыми помехами» (Боуз Д. Указ. соч. С. 70–71).

⁸ Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996. С. 11.

⁹ См.: Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. С. 10–11; Он же. Философия права. М., 1997. С. 30–31.

Классическая формулировка равноправия (формального равенства в праве), воспроизведенная в статье 19 Конституции РФ, гласит: «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, ... а также других обстоятельств». Это открытый перечень фактических различий, которые, как показывает практика, могут быть положены в основу неравноправия, когда одним группам отказывают в каких-то правах, а другим предоставляют привилегии

¹⁰ См.: Нерсесянц В.С. Философия права. С. 23.

¹¹ См.: Нерсесянц В.С. Философия права. С. 25, 27.

¹² См.: Нерсесянц В.С. Философия права. С. 27–28.

Свобода и собственность – в сущности одно и то же. Свобода человека возможна только в обществе, в котором сложился институт собственности, т.е. такой порядок отношений, при котором ресурсы жизнедеятельности присваиваются. Правовые нормы и правовой способ общения складываются в отношениях обмена между субъектами, которые признают друг друга собственниками обмениваемых благ. Поскольку право, абстрагируясь от фактических различий, абстрагируется, в частности, и от имущественных различий, исторически субъектами права и равноправными субъектами постепенно становятся все – собственники и несобственники. Но господство права, доминирование социальных институтов правового типа возможно только там, где примерно 2/3 членов общества способны обеспечивать себе благополучие (по стандартам данного общества) по правилам правовой свободы, и примерно половина из них владеет объектами собственности, доходы от которых позволяют не работать по найму (ср.: Соколов С.В. Социальная философия: Учеб. пособие для вузов. М., 2003. С. 259–260).

приводит к их имущественному неравенству. «При формальном равенстве и равной правоспособности различных людей их реально приобретенные права неизбежно (в силу различий между самими людьми, их реальными возможностями, условиями и обстоятельствами их жизни и т.д.) будут неравными ... Различие в приобретенных правах не нарушает и не отменяет принцип формального (правового) равенства»¹³.

Таким образом, принцип права (формальное равенство) означает равенство в свободе фактически неодинаковых людей, измерение их равной мерой (всеобщими запретами и дозволениями), что проявляется в сфере собственности как исходно равное для всех право быть собственником (приобретать права собственности на конкретные объекты) и в то же время как фактическое неравенство в этих приобретенных правах. «Такое различие в приобретенных правах у разных лиц является необходимым результатом как раз соблюдения, а не нарушения принципа формального (правового) равенства этих лиц, их равной правоспособности. ... Одно дело, конечно, иметь право (правоспособность) что-то приобрести, сделать и т.д., другое дело – реализовать такую формальную, абстрактно-правовую возможность и приобрести реальное право на определенное благо»¹⁴. Добавим: одно дело – понимать «равные стартовые возможности» как равную формальную возможность приобретать субъективные права, другое дело – как привилегию для заведомо неконкурентных, позволяющую им «стартовать» в льготных условиях, чтобы получить хоть что-то (так называемая позитивная дискриминация)¹⁵.

Следовательно, любое публично-властное перераспределение социальных благ, приобретенных по принципу формального равенства, является нарушением правового принципа, разновидностью произвола или «дозволенного законом грабежа» (Фома Аквинский, Фредерик Бастиа)¹⁶. Перераспределение произвольно независимо от того, осуществляется ли оно авторитарно, вопреки воле большинства или же по решению некоего большинства, в целях ли еще большего обогащения или же в целях «компенсации» исходно ущербного фактического состояния «непривилегированных»¹⁷. Можно оценивать отдельные перераспределительные институты как способствующие прогрессу свободы (например, всеобщее бесплатное образование может способствовать повышению уровня правовой культуры), можно оправдывать некоторые разновидности косвенного перераспределения «неделимостью общего блага» (например, институты безопасности), но все равно перераспределение социальных благ, приобретенных по принципу формального равенства, не может быть ничем, кроме нарушения формального равенства¹⁸.

¹³ Нерсесянц В.С. Философия права. С. 20–21.

¹⁴ Нерсесянц В.С. Философия права. С. 21.

¹⁵ Верховный суд США в 2003 году признал нарушающим равноправие порядок приема в университет, предоставляющий преимущества социально-экономически ущемленным группам (применение разного масштаба к поступающим в университет). См.: *Gratz v. Bollinger* (02–516) 539 U.S. 244 (2003).

¹⁶ «Все грабители, от самых примитивных, не умеющих обосновывать свои поступки ссылками на божественное право или общую пользу, до служителей современного welfare state, прибегающих к изощренной аргументации для оправдания гигантских программ перераспределения благ, могут отнять у других только то, что принадлежит этим другим» (Санов Г.Г. Собственность: условие человеческой деятельности и юридическая категория).

¹⁷ Позиционирование социально слабых, неконкурентных и просто малоимущих как «непривилегированных», означающее, что все остальные – «привилегированные» (см. в этом выпуске Ежегодника: Ланаева В.В. Правовой принцип формального равенства в исторической ретроспективе и цивилизационной перспективе. С. 106–121), имеет богатую историческую традицию. В частности, при «ликвидации кулачества как класса» все, кроме лодырей, оказались «привилегированными», все нормальные труженики стали объектом стратоцида.

¹⁸ Вот что пишет по этой проблеме О.В. Мартышин, один из немногих серьезных критиков либертаризма в российской науке: «В.С. Нерсесянц полагает, что именно “формальное равенство... и есть правовое начало”, а все, что в общеобязательных нормах противоречит этому принципу, является неправовым и антиправо-

Понятно, что социальная система, которая была бы построена исключительно по принципу формального равенства, невозможна логически и никогда не существовала исторически¹⁹. Правовое регулирование (там, где оно есть) всегда дополняется неправовым – уравнилельно-перераспределительным. Например, в условиях современного западного социал-капитализма, с одной стороны, люди признаются равными в свободе самореализации, с другой – доминирующая идеология провозглашает каждого человека достойным иметь некий минимум социальных благ – даже в том случае, когда человек не в состоянии получить его собственными усилиями в условиях свободной конкуренции, по правилам эквивалентного обмена. Важно отметить, что размер этого минимума социальных благ является величиной неопределенной и неопределимой. Любое его определение произвольно и субъективно. Поскольку наделение этим минимумом каждого неимущего осуществимо только путем перераспределения, то получается, что позиции тех, кто отнимает, и тех, у кого отнимают, прямо противоположны, и размер изъятий всегда зависит от конкретного соотношения сил, состояния экономики и других случайных обстоятельств. Никакой правовой основы перераспределения нет и быть не может²⁰.

Социалистическая идеология (и соответствующая практика) «социальной справедливости» – это идеология уравнилельно-перераспределительная: неимущие получают минимум социальных благ за счет имущих, т.е. имеют потребительские *привилегии*. Но эта идеология возникла в контексте культуры правового типа, и ее риторика маскируется под правовую, а привилегии называются правами: «*право* на социальное обеспечение (бесплатное или социальное жилье, образование, здравоохранение)», «*право* на защиту от безработицы» и т.п. Причем поскольку логически и технически невозможно точно определить группу «объ-

вым. При этом “фактическое равенство”, т.е. известное равенство условий и возможностей (не в юридическом, а в реальном плане), воспринимается сугубо отрицательно, как антиправовое явление. Но есть и противоположная точка зрения. Если мы провозглашаем право каждого человека на образование и медицинское обслуживание, но при этом и то, и другое оказывается платным, ясно, что этим правом смогут реально воспользоваться только те, кто способен понести соответствующие расходы, а отнюдь не все граждане. Чтобы этого избежать, чтобы превратить равенство из формального в фактическое, нужно допустить определенное юридическое неравенство. Оно вполне морально и справедливо, когда устанавливается в пользу людей, находящихся в неблагоприятных условиях, бедных, больных. Такой точки зрения придерживаются не только социалисты и коммунисты, но и гуманисты, а также здравомыслящие представители современного либерализма, например, признанные исследователи проблемы справедливости – американец Дж. Ролз и француз Х. Перельман. Юридическое неравенство, выражающееся в определенных привилегиях для обездоленных, вводится для социального выравнивания или выравнивания условий. Как подчеркивает Х. Перельман, призыв к такого рода уравнилельности стал общепризнанным, но отнюдь не посягает на юридическую безопасность и призван смягчить неравенство, опасное для социального равновесия» (*Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории права и государства // Государство и право. 2004. № 10. С. 10*).

¹⁹ В истории конкурируют два принципа социального бытия – правовой, признающий равную свободу всех, включая тех, кто отвергает правовой принцип, и потестарный, который предполагает организованное подчинение одних власти других. Если в конкретной культуре оба принципа, как субкультуры, действуют в том или ином сочетании, эта культура будет жизнеспособной – по меньшей мере до тех пор, пока ее не вытеснит культура с другим сочетанием этих принципов, дающим то, чего нет в вытесняемой культуре. Но если культура будет построена только на одном из этих принципов, она будет «нечеловеческой», «антропоцидной». А именно, если будет достигнуто абсолютное господство права, т.е. правовое регулирование не будет корректироваться холистской «первичной моралью», начнется перманентное «свободное вымирание» не только ущербных в социально-биологическом отношении, но и вообще менее успешных, менее конкурентных индивидов. При абсолютном господстве потестарного принципа одна часть сообщества сможет безнаказанно уничтожать другую часть. Но здесь есть парадокс: поскольку в правовой ситуации ее противники вправе политически организовать, они не допустят усиления правового начала сверх того, что они готовы терпеть; наоборот, в неправовой ситуации по мере усиления потестарного начала возможность дать организованный отпор господствующей группе будет снижаться; поэтому из двух полярных вариантов реально возможны только абсолютно потестарные ситуации, которые история продемонстрировала с лихвой.

²⁰ Подробнее см.: *Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7.*

ективно неспособных полноценно пользоваться свободой», то некоторые из этих социальных благ предоставляются всем без разбору (особенно образование и здравоохранение) и соответствующие «права» провозглашаются принадлежащими «каждому». В итоге перераспределение становится функцией публичной власти (наряду с функцией обеспечения свободы), и с правовыми институтами государства конкурируют институты перераспределительные, т.е. силовые²¹.

Либертаризм как наука не отрицает, что свобода (и, прежде всего, свободная конкуренция) имеет разную ценность для разных социальных групп – конкурентных и неконкурентных, имущих и неимущих, собственников и несобственников средств производства (ресурсов жизнедеятельности). Он открыто заявляет, что свобода – необходимое, но не достаточное для всех условие приобретения желаемых социальных благ (поэтому либертаризм не подходит на роль доминирующей идеологии в обществе массового потребления).

Напротив, социализм, использующий юридическую риторику, не заявляет открыто о приоритете потребительского благополучия для всех, но предпочитает говорить о социальной справедливости. Например, о том, что «общество» должно компенсировать неконкурентным их неконкурентоспособность или что социально сильные должны компенсировать «обществу» то, что они присвоили не за счет собственных усилий и способностей, а благодаря уже накопленному богатству, «монополизму». По мнению начальника российского конституционного суда В.Д. Зорькина, «формальное равенство перед законом и судом как один из составных аспектов верховенства права на практике может сдерживать процесс имущественного расслоения людей и даже резкую поляризацию богатства и бедности. А это угрожает основам правопорядка и самой цивилизации. Преодоление издержек формального равенства, осуществляется на основе справедливости распределяющей, позволяющей смягчить крайности бедности и богатства»²². Справедливостью распределяющей, таким образом, оказывается уравниловка, и «основам правопорядка и самой цивилизации» угрожает не что-нибудь, а часть 2 ст.19 Конституции России, согласно которой государство гарантирует равенство прав человека независимо от имущественного положения.

Либертаризм указывает, что перераспределительная функция порождает господство перераспределяющей бюрократии и «большое правительство», обладающее такими силовыми ресурсами, что государственный интервенционизм будет подавлять свободу. Либертаризм предупреждает, что нигде и никогда правящие группы реально не заботились о социально слабых вопреки интересам социально сильных. Социализм же, игнорируя очевидный факт, что перераспределительная функция выгодна только тем, кто имеет доступ к перераспределительным рычагам, призывает уповать на мудрое и справедливое Государство, ко-

²¹ Иной точки зрения по этому вопросу придерживался В.С. Нерсисянц, полагая, что сам отказ от поиска правового принципа перераспределения равносильно утверждению, что перераспределение *должно быть произвольным*. Поэтому в числе прав человека он выделял «социальные права – права человека по обеспечению и защите его потребностей и интересов в различных сферах социальной жизни». В частности, к такому он относил, с одной стороны, право каждого на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, с другой – права каждого на социальное обеспечение, на жилище и т.п. (см.: *Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства*. М., 2001. С. 339).

Однако при таком понимании «социальных прав» (термин, выполняющий ту же маскирующую функцию, что и «социальное государство» и «социальная справедливость») в один ряд ставятся разнородные по своей сути притязания: (1) притязания свободных людей свободно создавать любые объединения для коллективной защиты своих интересов, которые действуют, не ограничивая свободу других, и поэтому должны признаваться правомерными, и (2) притязания «социально не обеспеченных» на часть имущества «социально обеспеченных». Если оба притязания признать правовыми, то критерием и мерой права в этом случае может быть только закон, в частности, мнение законодателя, какую часть имущества «социально обеспеченных» правомерно изъять.

²² *Зорькин В.Д.* Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 15.

торое *должно* «подтягивать» социально слабых и ограничивать, сдерживать социально сильных.

Так, согласно социалистической «теории справедливости» Дж. Роулза (Д. Ролза)²³, индивид в обществе может свободно пользоваться произведенными им благами лишь при условии, что будет одновременно компенсировать менее успешным членам общества их «неуспех»; перераспределение должно быть таким, чтобы наименее имущие тоже были бы заинтересованы в существующем общественном строе, и только такое общество будет жизнеспособным. Вдумайтесь в это рассуждение и попробуйте найти два отличия этой идеологии от идеологии обычного рэкета. Одно отличие, конечно же, очевидно: рэкет – это агрессивное насилие, не санкционированное верховной властью, посягательство на ее монополию на насилие. Но почему идеологию рэкета нужно называть справедливостью?

Далее, согласно социалистической идеологии, неравенство в богатстве можно признать справедливым, если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека и, в частности, для неконкурентных (если в иерархии ценностей потребление стоит выше свободы, то и соответствующая идеология «социальной справедливости» требует, чтобы все имели хотя бы потребительский минимум); поскольку преуспевающие не желают делиться добровольно, справедливость нужно устанавливать путем принудительного перераспределения, и якобы «незаинтересованным арбитром», который осуществляет справедливое перераспределение, может быть только Государство с его бюрократическими институтами. (Опять же в действительности речь идет не о справедливости, а об уравниловке, имеющей, как известно, идеологическое обоснование в широком диапазоне – от элементарной зависти до классовой ненависти). Но в этом вопросе социалистическая идеология рассчитана на людей несведущих, сознание которых является продуктом социалистической же пропаганды.

Например, в оправдание государственного интервенционизма говорится, что он «позволяет избежать крайностей либеральной конкуренции, когда сильный и нахальный одерживает верх без соблюдения определенных правил»²⁴.

Трудно согласиться с таким суждением. Ибо либеральная, т.е. свободная, конкуренция означает подчинение всех ее участников запрету агрессивного насилия – «определенным правилам», построенным на принципе формального равенства, для обеспечения которых существует так называемое минимальное государство. Именно минимального государства по определению должно быть достаточно для того, чтобы избежать таких «крайностей либеральной конкуренции», когда «сильный и нахальный» нарушает правовой принцип. Автор этого суждения нелогичен и в другом вопросе: если акторы минимального государства почему-то не выполняют даже обязанность принуждать «сильных и нахальных» к соблюдению правил свободной конкуренции, то как же можно наделять их еще большей, редистрибутивной властью? Если они и в первом случае не защищают от противоправных действий «сильных и нахальных», то какие есть основания не опасаться того, что во втором случае, когда эти же акторы будут вмешиваться в общественные процессы (разумеется, под предлогом защиты социально слабых), они не объединятся с «сильными и нахальными» и мы не получим, в дополнение к экономическому господству «сильных и нахальных», еще и их политическое господство? Пример постсоветской России наглядно продемонстрировал, что получается, когда государственный аппарат, не способный выполнять правовую функцию, наделяется редистрибутивной функцией: получается как раз диктатура «сильных и нахальных».

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что не соответствует действительности суждение, будто бы Россия пошла по «крайне либеральному» пути по-

²³ См.: Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

²⁴ Соколов С.В. Указ. соч. С. 266.

строения капитализма²⁵. Преобразования в постсоветской России имеют мало общего с капитализмом и, тем более, формальным равенством. По терминологии, использованной В.С. Нерсисянцем, эти преобразования привели к неофеодализму, ситуации некапиталистической и, по своей сути, докапиталистической²⁶.

Далее, «незаинтересованным арбитром» может быть правительство только минимального государства, основная функция которого – обеспечение формального равенства. Политический класс перераспределяющего государства является как раз заинтересованной стороной, ибо поскольку перераспределение всегда произвольно, то перераспределять всегда будут так, как это более выгодно этому классу. Эта азбучная истина политической философии была хорошо известна советскому обществоведению: поскольку она относилась к основному объекту марксистско-ленинской критики, «империализму», то не было никаких препятствий для ее внушения советским обществоведам. Но постсоветские писатели, словно пребывая в неведении, пытаются ее опровергнуть, воспроизводя заблуждения массового сознания 150-летней давности на счет этого всемогущего и беспристрастного субъекта – Государства.

Еще в первой половине XIX века Ф. Бастиа объяснял, что вне нас, составляющих гражданское сообщество, не существует никакого Государства, тем более – благотворительного и неистощимого в своих благодеяниях существа, которое имело бы наготове хлеб для всех ртов, работу для всех рук, капиталы для всех предприятий и т.д. Перераспределяющее Государство – «это громадная фикция, посредством которой все стараются жить за счет всех», но за которой всегда стоят конкретные группы интересов²⁷. Поскольку открытый грабеж существенно затруднен, выдумывают посредника – Государство, и, обращаясь к нему, каждый класс общества говорит: Вы, которые можете брать законно, берите у общества, а мы уж поделим. «Увы! Государство всегда слишком склонно следовать такому адскому совету, так как оно состоит из министров, чиновников и вообще людей, сердцу которых никогда не чуждо желание и которые готовы всегда как можно скорее ухватиться за него, умножить свои богатства и усилить свое влияние. Государство быстро соображает, какую выгоду оно может извлечь из возложенной на него обществом роли. Оно станет господином, распорядителем судеб всех и каждого; оно будет много брать, но зато ему и самому много останется: оно умножит число своих агентов, расширит область своих прав и преимуществ, и дело кончится тем, что оно дорастет до подавляющих размеров»²⁸. И далее Ф. Бастиа отмечал «поразительное ослепление общества на сей счет»: что мы должны думать о народе, который и не подозревает, что взаимный грабеж есть все-таки грабеж, что он не стал менее преступен потому, что совершается в установленном законом порядке, «что он ничего не прибавляет к общему благосостоянию, а, напротив, еще умалает его на всю ту сумму, которой стоит ему разорительный посредник, называемый государством»²⁹.

К концу XX века прогноз Ф. Бастиа полностью подтвердился, несмотря на то, что теперь Государство называется демократическим, правовым и социальным: «Современное демократическое государство остается по своей сути перераспределительным, неминимальным государством, обладающим слишком обширным арсеналом полномочий в отношении своих граждан, что позволяет ему создавать множество привилегий, которые становятся объектом борьбы и причиной формирования различных политических сил. Политика здесь используется в основном как способ достижения неконкурентных преимуществ определенными эко-

²⁵ См. в этом выпуске Ежегодника: *Ланаева В.В.* Правовой принцип формального равенства в исторической ретроспективе и цивилизационной перспективе. С. 106–121.

²⁶ См.: *Нерсисянц В.С.* Философия права. С. 393–396.

²⁷ См.: *Бастиа Ф.* Государство // Бастиа Ф. Что видно и чего не видно. Челябинск, 2006. С. 87, 90.

²⁸ Там же. С. 90–91.

²⁹ Там же. С. 91.

номическими группами интересов, в результате чего возникают нарушения прав, коррупция и экономические дисбалансы. Использование государства такими группами в своих собственных целях всегда основано на том, что государство изначально обладает нелегитимными полномочиями обогащать одних за счет других. Либертарианцы поэтому должны призывать к ликвидации этого нелегитимного полномочия раздавать экономические привилегии, что приведет к устранению и мотивов стремления к политическому доминированию»³⁰.

Как уже говорилось, публично-властные институты не могут действовать в интересах социально-слабых вопреки интересам социально сильных, и если заявленная функция этих институтов – перераспределение в пользу наименее обеспеченных, то это значит, что есть латентная функция. Перераспределение и государственный интервенционизм позволяют концентрировать и выгодно использовать огромные ресурсы – в интересах отдельных групп крупного бизнеса, связанных с теми, кто принимает политические решения (последний пример – предоставление финансовым и другим группам крупного бизнеса в США помощи, измеряемой сотнями миллиардов долларов, за счет всех налогоплательщиков)³¹, но главное – в интересах самой перераспределяющей бюрократии как саморегулирующейся корпорации и ее отдельных групп, с которыми непосредственно связан крупный бизнес, получающий преференции. Выступая самостоятельной (редистрибутивной) социально-политической силой, государственный аппарат *легально* потребляет значительную долю перераспределяемой части национального дохода. Что же касается оправданности этого фактического присвоения, то контролировать перераспределяющую бюрократию сложно: можно выявлять злоупотребления отдельных функционеров, но юридически невозможно обвинить в злоупотреблениях управляющий класс в целом. Этому препятствует и то, что перераспределительному государству предъявляются взаимоисключающие требования. Сами законы, в соответствии с которыми осуществляется перераспределение, произвольны, а поэтому вся редистрибутивная деятельность есть узаконенный произвол.

Больше всех от государственного интервенционизма страдает так называемый средний класс – те относительно конкурентные субъекты, которые всего добиваются свободной самореализацией и нуждаются не в перераспределении, а в гарантиях формального равенства. Причем они составляют большинство в развитом индустриальном обществе. Но не нужно думать, что «демократический государственный интервенционизм» выражает интересы и потребности большинства. Со времен исследований Йозефа Шумпетера науке известно, что не «воля народа» определяет политику правительства, а политически организованные группы, партии формируют у избирателей представления о том, какой должна быть политика правительства, чтобы она соответствовала потребностям или интересам той или иной социальной группы. Каждая партия и ее лидеры предлагают избирателям свою программу и посредством избирательных технологий убеждают их проголосовать за нее. Избиратели же могут реально выбирать только из того, что им предлагается на рынке политических программ³². Таким образом, правительственная политика в демократическом государстве (т.е. в таком государстве, в котором смена правящей партии происходит в процессе сво-

³⁰ *Игнатов О.* Анархия, государство и утопия [Рецензия на: Роберт Нозик. Анархия, государство и утопия] // Русский Журнал. 2008 (<http://russ.ru/Kniga-nedeli/Anarhiya-gosudarstvo-i-utopiya>).

³¹ Разумеется, крупный бизнес в целом платит в виде налогов больше, чем получает в виде кредитов, субсидий и т.п. Но, во-первых, взамен он получает некоторые гарантии стабильности. Во-вторых, выгода для перераспределяющей бюрократии заключается не в том, чтобы служить крупному бизнесу в целом, а в том, чтобы предоставлять привилегии отдельным представителям крупного бизнеса, причем сегодняшние преференции завтра нивелируются преференциями, предоставленными конкурентам, и это делает положение перераспределяющей бюрократии бесконечно выгодным.

³² См.: *Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. М., 1995 (http://www.libertarium.ru/libertarium/lib_capsocdem_22).

бодной политической конкуренции) выражает интересы, прежде всего, соответствующей группы политического (управляющего) класса.

Итак, перераспределяющая бюрократия, действуя формально в интересах тех или иных социально значимых групп, а фактически паразитируя на этих интересах (сколь бы благородными ни были заявленные задачи «социального правового государства», оно всегда отдает обществу меньше, чем забирает для того, чтобы тому же обществу вернуть), бесконечно стремится к расширению масштабов незаконного грабежа. Чем больше перераспределяется, чем сложнее концепции, схемы и механизмы перераспределения, тем больше «прилипают к рукам» управляющего класса, «оседают на стенках» перераспределяющих каналов³³.

Исторический прогресс правовой свободы

В основе постсоветских представлений об историческом прогрессе «государства и его продукта – права» лежит марксистская, «истматовская», антикапиталистическая философия истории. Это обусловлено и традиционной российской антикапиталистической ментальностью, и тем, что в советскую эпоху «единственно научным» было антикапиталистическое мировоззрение³⁴. В интересующем нас аспекте это мировоззрение достаточно полно описано Григорием Саповым:

Практика показывает, что современный человек, имея некую картину общественного устройства, усвоенную в школе и высшем учебном заведении, не замечает ее логической несостоятельности и этической ущербности, не знает о том, что она противоречит историческим фактам. Соответствующая рефлексия затруднена. Она затруднена тем, что хотя практически все знакопорождающие системы постоянно генерируют все новые и новые разновидности объяснений происходящего, все эти объяснения так или иначе восходят к комплексу этатистских (технократических, охранительно-консервативных, социалистических и т.п.) идей, сформировавшемуся к середине XIX века, а в XX веке получившему статус неоспоримой истины.

Кроме того, поскольку данный комплекс идей является преобладающим, человек, даже не изучающий специально экономику или историю, приобретает первоначальный набор фактических сведений, окрашенный в соответствующие тона. Поставщиками таких сведений является ежедневная пресса, деловые журналы, художественная литература, телевизионные сериалы или ток-шоу и вообще все, где так или иначе упоминаются факты экономической и политической истории. В результате сознание современного взрослого «обычного» человека имеет некую вполне определенную картину происходившего и не предьявляет спроса на ее пересмотр.

Предельно упрощенно эта картина выглядит следующим образом.

После разложения феодального строя и окончания периода буржуазных революций и войн на арену вышел новый класс – буржуазия. В это же время замечательные открытия ученых привели к невиданному прогрессу техники. В частности, возникло машинное производство. Технические открытия стали причиной экономического роста, однако при этом образовался невиданный прежде разрыв в экономическом положении социальных групп. Ситуация усугублялась присущей развитому рынку нестабильностью – периодически разражались разрушительные кризисы.

Общество начало искать альтернативу «дикому» капитализму, который дегуманизировал людей, одних превращая в пролетариев, а других делая рабами их собственной алчности.

Постепенно самые разные группы общества, от рабочих и прогрессивных капиталистов до интеллектуалов и государственных служащих, стали стремиться внести свой вклад в решение острых проблем цивилизации XIX века. К концу данного столетия сформировалось и политическое представительство тех сил, которые не хотели мириться со стихийным и хищническим капитализмом.

С начала XX века чистый рынок (бывший к тому же во многом абстрактной теоретической конструкцией) стал дополняться и отчасти замещаться новыми общественными институтами. Эти институты имели различное происхождение и природу. Все они действовали, однако, в одном направлении, уменьшая степень стихийности капитализма с ее разрушительными последствиями в виде периодических массовых разорений. Кроме того, новые институты позволили массам реализовать права на лучшую жизнь, повысили долю, приходящуюся на работников, в действительности создающих общественное богатство, в распределении создаваемого всем обществом продукта.

Потом была первая мировая война. Она произошла из безудержного стремления частного капитала к наживе и принесла много страданий народам мира. После первой мировой войны с капитализмом произошли значительные изменения к лучшему.

³³ См.: Сапов Г.Г. От Моисея до наших дней // Отечественные записки. 2002. № 4–5 (<http://www.strana-oz.ru/?numid=5&article=244>).

³⁴ Подробнее о причинах российского антикапитализма, а также об антикапиталистической ментальности на Западе см.: Юрий Латов. Антикапиталистическая ментальность россиян – барьер на пути к легализации // Неприкосновенный запас. 2003. № 3 (29) (http://magazines.russ.ru/nz/2003/29/latov.html#_ftn9).

Так называемая система свободной торговли была реорганизована в систему межгосударственных соглашений. В границах национальных экономик верх взяли здоровые силы, понимавшие губительность безудержной конкуренции для отечественной хозяйственной структуры, прежде всего для новых, прогрессивных отраслей промышленности.

Безудержная конкуренция получила достойный противовес в виде антимонопольного законодательства и, в ряде случаев, элементов планирования экономики.

Социальные права трудящихся стали лучше защищены – усилилась роль профсоюзов, в некоторых странах стали появляться элементы социальной защиты, предтечи современных систем развитого welfare state.

Потом был самый разрушительный за всю мировую историю экономический кризис. Он произошел потому, что устаревшая система *laissez faire* не была окончательно преодолена. Сохранялась конкуренция, денежное хозяйство было привязано к золоту, спекулянты на финансовых рынках орудовали безо всякого регулирования со стороны государства. Все это не могло не вызвать глубокого потрясения самих основ «свободного» капитализма. В кавычках – потому что эта так называемая свобода означает лишь свободу кучки богачей нечестно наживаться на лишениях народов. Началась Великая Депрессия.

Ее преодолели только после того, как была реализована программа более широких и глубоких преобразований капиталистической системы. Блестящие результаты, достигнутые президентом Рузвельтом в ходе осуществления Нового курса, известны всем. Идейной основой Нового курса были идеи теоретика трансформации капитализма XX века, сэра Джона М. Кейнса. В отличие от «теоретиков» «свободной» «торговли» он смог увидеть жизненную необходимость общественных работ, активной денежно-кредитной политики, широкого сотрудничества государства и бизнеса в деле уменьшения непредсказуемости, переходящей в разрушительную стихийность и анархию производства.

Потом произошла вторая мировая война. В ходе этой войны Гитлер был разбит, а победа досталась силам антигитлеровской коалиции (союзники Германии, Япония и Италия, также были побеждены). После второй мировой войны, когда появилась Организация объединенных наций, началась другая эпоха. Идеи регулирования и построения не просто «рыночного», а социального рыночного хозяйства, стали понятны не только ученым-интеллектуалам, но и широким массам избирателей. Начался научно-технический прогресс. Он материализовался в невиданном росте продуктивности национальных и мировой экономик. Беднейшие страны смогли получить международную помощь и встали на путь догоняющего развития. Глубокая реформа международной и национальных денежных систем расширила дорогу, на которую мировая экономика ступила после первой мировой войны.

Все это вылилось в долгий период экономического процветания. Произошла информационная революция и общество вступило в постиндустриальную эру, окончательно порвав с «диким» капитализмом XIX века. Эта эра продолжается и сейчас. На повестке дня преодоление негативных последствий глобализации, обуздание всевластия (в ряде случаев) международных корпораций, борьба за экологию и права меньшинств на лучшую жизнь³⁵.

Антикапиталистическое мировоззрение проявилось и в творчестве В.С. Нерсесянца. Оценивая перспективы теоретической позиции, названной им «либерально-демократическим» или «конституционно-демократическим направлением постсоветской юриспруденции», В.С. Нерсесянец писал: «Отмечая определенные достоинства либерально-демократического направления в рамках нынешнего этапа развития российской юриспруденции, мы вместе с тем считаем, что его существенный недостаток ... состоит в *буржуазной (буржуазно-правовой) ограниченности* его ориентиров, установок и устремлений. Между тем анализ ... постсоциалистической ситуации, логики, тенденций и закономерностей постсоциалистического пути к праву ведет, на наш взгляд, к *концепции цивилизма и цивилитарного права* как исторически более высокой ступени права, чем буржуазное право»³⁶.

Однако признание того, что, с одной стороны, при капитализме достигается всеобщее формальное равенство, и что, с другой стороны, оно разрушается последующими социалистическими деформациями (в условиях западного социализма), вовсе не означает идеологический призыв «назад, к капитализму». В этом нет «буржуазной ограниченности» либертарианской теории, объясняющей право как равенство в свободе. Другое дело, что в социалистической идео-

³⁵ Сапов Г.Г. Капитализм: научная и гуманитарная актуализация. Тезисы доклада на научном семинаре ЭТИХиП 6.12.2001 // Бюро Григория Сапова (<http://www.sapov.ru/seminar/seminar2.htm>).

³⁶ Нерсесянец В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 155–156. Ср.: Нерсесянец В.С. Общая теория права и государства. С. 186.

«Постсоциалистической» ситуацией здесь называется ситуация посткоммунистическая, т.е. наступившая после крушения советского коммунизма.

логии равенство понимается совсем не так, как оно проявилось при капитализме, и целью исторического развития признается некое посткапиталистическое равенство. Но это уже вопрос о том, что мы будем называть правом, свободой и правовым равенством, который был достаточно рассмотрен выше.

Далее, определяя исторические типы права как «основные исторические формы признания и организации свободы людей, выражающие этапы прогресса свободы», В.С. Нерсесянц называл четыре таких типа, вполне соответствующие истматовскому видению истории, или «пятичленке»: первобытное общество, где еще нет права, плюс четыре «правовые формации». А именно: 1) этническое право древности; 2) сословное право средних веков; 3) «индивидуалистический (индивидуально-политический, индивидуально-гражданский) тип государства и права» Нового времени; 4) «гуманитарно-правовой тип государства и права» новейшего времени³⁷. Причем мы не находим у В.С. Нерсесянца убедительного, на наш взгляд, объяснения того различия, которое позволило выделить два последних как самостоятельные типы. О праве индивидуалистического типа В.С. Нерсесянц писал, что «при этом типе государства и права человек является субъектом права и государства как самостоятельный политический индивид (как отдельный гражданин), а не как член определенного этноса или сословия»³⁸, а о последнем типе: «здесь каждый человек именно как человек является (и официально признается государством и законом) субъектом прирожденных и неотчуждаемых (естественных) прав и свобод, которые составляют исходную основу действующего (позитивного) права и государства данного типа»³⁹. Напомним, однако, что еще в Новое время в североамериканских и французской декларации были провозглашены естественные и неотъемлемые права каждого человека.

Не отрицая некоторую ценность такой типологии права, отметим ее недостаток: это типология не столько исторически существовавших и существующих правовых культур, сколько исторически прогрессирующих проявлений принципа права, шествующего по истории подобно гегелевскому духу свободы, что признавал и сам В.С. Нерсесянц⁴⁰. Понятно, что по этой логике сословный тип права должен быть более прогрессивным, чем этнический, а «гуманитарно-правовой» должен быть более «правовым», чем «индивидуалистический».

Однако, при всем уважении к научному наследию создателя российской либертарно-юридической школы, мы позволим себе не согласиться с такой одномерной философией истории права.

Юридический либертаризм является социальной наукой (а не идеологией, утверждающей, что законы должны быть правовыми) постольку, поскольку он способен показать историческое возникновение и развитие права в его реальном соотношении с неправовыми социальными институтами и неправовыми социальными культурами⁴¹.

³⁷ См.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. С. 243–244.

³⁸ Там же. С. 244.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 242–243.

⁴¹ Само собой разумеющимся условием исторического подхода к праву является сохранение единого понятия права в рассуждениях об исторически развитых и не развитых его проявлениях. Иначе получится, что, говоря о возникновении права, мы вкладываем в эти понятия один смысл, а говоря о современном праве, мы вкладываем в них другой смысл, т.е. называем одним и тем же термином явления разной сущности, или же, говоря об «изменении сущности одного и того же явления», употребляем термин «сущность» в каком-то произвольном значении: одно и то же явление якобы проявляется в истории так, что сущность его – разная (подробнее см.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 233, 242).

Поэтому, например, когда Н.В. Разуваев в своем плодотворном, в целом, исследовании феномена, который он обозначает как «традиционное государство», утверждает, что «сущность традиционного и современного государства не просто не совпадают в каких-то своих аспектах, они диаметрально противоположны», и на этом основании делает вывод, что «сущность государства исторически изменчива» (см.: *Разуваев Н.В.* Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб., 2008. С. 77), он совершает очевид-

В современной науке известно различие двух проявившихся в истории типов культуры (и двух типов цивилизации), конкретные различия которых в разных областях науки интерпретируются по-разному, но сущностное различие улавливается всегда одинаково: свобода и несвобода как культурные типы. Например, Ю.М. Лотман различал магию и религию как договор и вручение себя высшей силе и таким образом объяснял, что свобода и несвобода как культурные архетипы проявились уже на заре цивилизации⁴².

С позиции юридического либертаризма два типа социокультуры различаются как *правовой* и *потестарный*. В культуре правового типа нормой социального бытия является свобода (равная свобода всех или хотя бы равная свобода внутри социально значимых групп). Это идеальные типы, или типологические принципы. В реальных культурах доминирует один из типологических принципов, но у любого цивилизованного народа в его культуре, наряду с господствующей субкультурой, определяющей отнесение этой культуры к одному из типов, присутствует и противоположная субкультура.

Понятием «цивилизация» мы обозначаем, во-первых, качественную специфику социокультуры, которая уже вышла из первобытной стадии («уже не примитивная социокультура» – в этом мы придерживаемся линии, идущей от Адама Фергюсона), что выражается в множественности и разнообразии социальных институтов в культурах разных цивилизованных народов. Во-вторых, отдельные цивилизации различаются в интересующем нас контексте своеобразием и определенным соотношением правовых и потестарных (властно-распределительных и перераспределительных) социальных институтов⁴³. Проще говоря, цивилизация – это специфика институтов, позволяющая относить к одной социокультурной общности культуры разных народов, а с либертарно-юридической позиции – это соотношение в социокультуре публичной власти и частной собственности.

Юридическая типология *цивилизаций* должна учитывать, что в разных реальных культурах одного и того же социокультурного типа (правового или потестарного) соотношение правовых и потестарных институтов может быть разным. В одних цивилизациях, соответствующих правовому типу культуры, правовые институты однозначно доминируют («господство права»), публичная власть служит защите собственности, в других – правовые и перераспределительные

ную логическую ошибку (к слову, не только эту). Если сущность *государства* заключается именно в тех свойствах, которые демонстрирует «традиционное государство», но не «государство современное», то это значит, что при переходе от «традиционного государства» к «современному государству» не сущность *государства* изменяется, а возникает в сущности новое явление – «современное государство», которое на самом деле государством не является и именуется таким ошибочно. Если же оба эти феномена, и традиционное, и современное государство, являются в сущности *государствами*, то *сущность государства* заключается не в том, в чем они «диаметрально противоположны», а в чем-то другом.

⁴² Ю.М. Лотман в статье, написанной в 1981 г., показал, что эти два типа проявляются уже в наиболее архаичных моделях культуры – магии (прототип правового) и религии (прототип потестарного). Первый тип отношений характеризуется взаимностью действий, эквивалентностью, возможностью у обеих сторон прибегнуть к принуждению, обеспечивающему исполнение обязательств, и договорностью. Второй тип означает «безоговорочное вручение себя во власть». Одна сторона отдает себя другой без того, чтобы сопровождать этот акт какими-либо условиями, кроме того, что получающая сторона признается носителем высшей мощи (имеется в виду именно мощь, поскольку возможно поклонение и злым силам). Отношения этого типа характеризуются: 1) односторонностью; они имеют односторонний характер: отдающий себя во власть субъект рассчитывает на покровительство, но между его акцией и ответным действием нет обязательной связи; отсутствие награды не может служить основанием для разрыва отношений; 2) из сказанного вытекает отсутствие принудительности в отношениях: одна сторона отдает все, а другая может дать или нет; 3) отношения не имеют характера эквивалентности: они исключают психологию обмена и не допускают мысли об условно-конвенциональном характере основных ценностей; 4) следовательно, отношения этого типа имеют характер не договора, а безусловного дара (см.: Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 345–346).

⁴³ О социальных институтах см. в этом выпуске Ежегодника: Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория и юридический либертаризм. С. 251–237.

(потестарные) конкурируют, публичная власть вторгается в сферу собственности. Аналогично в цивилизациях, соответствующих потестарному типу культуры, возможно такое положение, когда правовых институтов просто нет, и такое, когда они неразвиты, когда доминируют институты распределительные и перераспределительные, собственность есть, но нет достаточных публично-властных гарантий собственности.

Таким образом, помимо двух онтологически противоположных типов цивилизации, можно выделить промежуточные, смешанные цивилизации.

Наконец, к одному и тому же цивилизационному типу относятся цивилизации, существующие в аграрную и индустриальную исторические эпохи.

В итоге получается восемь цивилизационных типов, выделенных одновременно по критерию соотношения правовых и потестарных институтов и по историческому критерию: *античность* как исторически неразвитый правовой тип, когда равенство в свободе полноправных субъектов-граждан сочетается с несвободой и неполноправными статусами иных категорий населения, и *капитализм*, в котором достигается всеобщее формальное равенство (исторически развитый правовой тип); восточный *деспотизм* как потестарный цивилизационный тип аграрного общества и *коммунизм*, имитирующий индустриальное общество; *западный феодализм* и *восточный феодализм* как смешанные цивилизационные типы в аграрную эпоху и, наконец, *западный социал-капитализм* и *восточный социал-капитализм* как смешанные типы индустриального общества. Все эти типы схематично можно представить следующим образом:

	Культуры правового типа		Культуры потестарного типа	
	Цивилизации правового типа	Смешанные цивилизации, относящиеся к правовому (слева) и потестарному (справа) типам культуры	Цивилизации потестарного типа	
В индустриальную эпоху: общества индустриальные (перерабатывающая экономика) и природоресурсные – сырьевые придаютки индустриальных стран	Капитализм: исторически развитый правовой тип	Западный социал-капитализм: смешанный тип на основе развитых правовых институтов	Восточный социал-капитализм: смешанный тип с неразвитыми правовыми институтами	Коммунизм (завершенный тоталитаризм): имитация индустриального общества. Тотальность потестарных институтов достигается через «создание нового человека», информационную манипуляцию его сознанием и эффективное силовое пресечение любой самостоятельности
В аграрную эпоху: общества только природоресурсного типа	Греко-римская античность: исторически неразвитый правовой тип	Западный феодализм	Восточный феодализм	Восточный деспотизм Доминирование потестарных институтов опирается на общинную традицию. Возможности властного контроля социальной жизни технически ограничены

По этой типологии исторический прогресс свободы достигается в ходе исторической конкуренции институтов правового и силового типов: переход от античной правовой цивилизации к западному (европейскому) феодализму происходит по мере разрушения правовых институтов и замещения их потестарными институтами; затем, наоборот, потестарные институты феодализма вытесняются капиталистическими правовыми институтами, и, наконец, современный западный социал-капитализм демонстрирует вытеснение правовых институтов потестарными. Дальнейший исторический прогресс правовой социокультуры предполагает формирование некоего постиндустриального правового цивилизационного типа, но при условии, что западная культура, как культура правового типа, не погибнет, не повторит судьбу греко-римской культуры.

Принцип данной типологии – различие онтологически противоположных и промежуточных цивилизаций и одновременно различие их исторических типов – отчасти заимствован из претендующей на преодоление истматовского наследия социально-философской концепции С.В. Соколова⁴⁴, которая, в ее идеологическом аспекте, может быть квалифицирована как социалистическая и антикапиталистическая. Несколько упрощая, можно сказать, что С.В. Соколов различает: *политические формации* (общество «форматируется» в основном политическим насилием) – аграрно-политические (деспотизм) и индустриально-политические (социализм); *экономические* (общество «форматируется» экономически, т.е. преимущественно без политического насилия) – античную и капиталистическую; *смешанные (интегральные, гибридные)* – феодальную и социал-капиталистическую (общество «форматируется» и демократическим политическим регулированием, и рыночной экономикой). Причем смешанные формации характеризуются как «свидетельство относительной зрелости, согласования интересов противоположных классов»⁴⁵.

Сразу же подчеркнем: в концепции С.В. Соколова социализм оценивается как *индустриальная* формация, что, однако, не означает его описание понятием индустриального общества, принятым в экономической теории. Социализм, по С.В. Соколову, есть формация *политическая* (индустриально-политическая), которая достигается посредством *деформации аграрного общества*. По существу такая интерпретация не противоречит тому факту, что при социализме насильственно-политическим путем имитируется индустриальная экономика, пригодная только «для внутреннего употребления», неконкурентная и разрушающаяся вместе с имитирующей ее властью.

В отличие от типологии С.В. Соколова в нашей типологии в одном ряду с правовым и потестарным цивилизационными типами *нет смешанного типа как такового*, а есть смешанные цивилизационные типы, относящиеся к двум принципиально разным типам культуры, которые условно названы «западным» и «восточным». Принципиальное различие между ними – исходная для этих цивилизаций развитость и соответственно неразвитость правовых институтов.

Последнее наиболее наглядно проявляется в путях достижения социал-капитализма. Западный социал-капитализм складывается по мере нарастания *государственного интервенционизма* в условиях уже существующих сильных правовых институтов, которые позволяют более или менее эффективно контролировать этот интервенционизм на предмет его соответствия официально заявленным целям. Прежде всего это относится к перераспределению в пользу социально-слабых: управляющий класс не столько присваивает средства, изымаемые в виде налогов, сколько реально делит их между законными получателями.

Наоборот, восточный социал-капитализм складывается по мере расширения «поля» свободных социальных взаимодействий, но при сохранении *авторитарного* управления («управляемая демократия», запрет несанкционированной свободной социальной активности). Поскольку здесь правовые институты остаются неразвитыми, то не может быть и эффективного контроля за соответствием государственного распределения и перераспределения официально заявленным целям. Возможна и такая ситуация, когда политически правящие группы прежде всего присваивают доступные им ресурсы общества и уже «по остаточному принципу» делят их между законными получателями⁴⁶.

⁴⁴ См.: Соколов С.В. Социальная философия: Учеб. пособие для вузов. М., 2003.

⁴⁵ Там же. С. 267.

⁴⁶ Р. Неф, один из лидеров Швейцарской либертарианской школы, несколько иначе трактует это различие: «Механизм перераспределения включает в себя не только тех, у кого отнимают и для кого отнимают. Между ними стоит огромный перераспределяющий аппарат – политический класс, бюрократия. И этот перераспределяющий аппарат работает отнюдь не бесплатно. Напротив, этот аппарат является столь дорогостоящим, что весь процесс перераспределения оказывается неэффективным. Есть примеры – здесь можно упо-

Что же касается исторических цивилизационных переходов от «чистого» типа к смешанному типу и обратно, можно утверждать, что пока существуют народы, создающие свою социокультуру по одному из двух ее типов, то цивилизационные переходы возможны только в рамках того же типа культуры. Иначе говоря, граница между правовым и потестарным культурными типами принципиально непреходима для культур конкретных народов⁴⁷. Переход из одного типа в другой может совершить не «культура», т.е. не люди-носители институтов того или иного культурного типа, а «территория»: если народ как этнокультурное сообщество погибнет, то на его месте, уже другими этнокультурными группами может быть создана цивилизация противоположного типа. Так, культура домонгольской Руси была ранней культурой правового типа, с доминирующей городской субкультурой, и формировала цивилизацию наподобие античного полиса⁴⁸, но была уничтожена, Русь стала сельской страной, и новая, русско-татарская этнокультурная группа создала уже цивилизацию потестарного типа⁴⁹.

мянуть Индию – того, как перераспределение фактически происходит от богатых к перераспределяющим, а действительно бедные вообще ничего не получают. В Швейцарии мы еще не зашли так далеко. Но эта форма дегенерации имманентна любому механизму перераспределения. Все время говорят, что нужно сделать перераспределение более точным, адресным и т.п. – и закачивают в перераспределяющий аппарат все большие средства с целью его реформирования или совершенствования. В конечном счете с этого кормится только сам перераспределяющий аппарат. Когда этот процесс уже пошел, то не помогут никакие реформы. Теперь требуются уже системные изменения» (*Nef R. Der Wohlfahrtsstaat zerstört die Wohlfahrt und den Staat // Liberales Institut. Zürich, 2003. S. 12* [<http://www.libinst.ch/publikationen/LI-Paper-Nef-Wohlfahrtsstaat-d.pdf>]).

Однако представляется очевидным, что пока в Швейцарии, равно как и в США или Швеции, «еще не зашли так далеко», мы можем утверждать, что Швейцария и Индия представляют два разных типа социокультуры, и, следовательно, характерные для этих типов институты выполняют разные функции.

⁴⁷ Архетипическая укорененность каждой реальной культуры (доминирующей в ней субкультуры) объясняет устойчивость социальных институтов, их способность к самовосстановлению после разрушения, а также невозможность качественного сдвига в соотношении ее субкультур. В интерпретации А.А. Зиновьева, если социальная система разрушается, но сохраняются «человеческий материал» и геополитические условия, то новая система оказывается по многим важным признакам близкой к разрушенной; но новая система опускается «на уровень ниже»: постсоветская система ближе к дореволюционной и даже феодальной России, чем к западным социальным системам. См.: Постсоветизм. Лекция Александра Зиновьева // Полит.ру. Публичные лекции. 21.09.2005 (<http://www.polit.ru/lectures/2005/09/21/psizm.html>).

Есть и несколько иная гипотеза – о том, что при разрушении традиционного общества, если новые структуры не сумеют быстро консолидироваться, то обломки традиционного общества отструктурируются раньше; но вновь возникшая социальная система окажется на порядок ниже разрушенной, т.е. более архаичной (см.: *Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1996; Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998* [<http://www.zaimka.ru/soviet/krasiln1.shtml>]).

⁴⁸ В исследованиях И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко показано, что древнерусские многочисленные «города-государства» весьма напоминали древнегреческие полисы, и в социально-экономической жизни эквивалентный обмен явно доминировал в сравнении с политически-редистрибутивными отношениями (см.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Возникновение и развитие городов-государств в северо-восточной Руси XI – начала XIII в.* [<http://www.russiancity.ru/dbooks/d06.htm>]; *Дворниченко А.Ю. Уложение 1649 года и государственный строй России // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России. СПб., 2004. С. 5–12; Дворниченко А.Ю. Земская и государственная традиции в истории дореволюционной России // История. Мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008. С. 460–461; Дворниченко А.Ю., Кащенко С.Г., Флоринский М.Ф. Отечественная история (до 1917 г.). Учеб. пособие / Под ред. И.Я. Фроянова. СПб., 2002. С. 77).*

⁴⁹ «Русская марка, похожая на немецкую, и соответствующая ей формация появились на Руси, возможно, в X в.: русские сравнительно с европейцами – молодой народ, становление которого началось, вероятно, сразу с феодализма. Дальше был возможен процесс развития русских княжеств по феодальному, а затем и по капиталистическому пути. Об этом свидетельствует Новгородская земля, в которой формировалась античная формация. Но развитие Руси в этом направлении было нарушено в XIII в. нашествием монголов, установивших в русских княжествах своеобразную феодально-княжескую формацию с татаро-монгольским господством. Эта формация еще не была феодальной в европейском значении... Дальнейшее развитие России представляло собой процесс трансформации этой формации в деспотическую при Иване Грозном и Петре I. Причины становления и совершенствования деспотической формации в России следующие: 1) русская феодальная община характеризовалась патриархальным сознанием, которое, в отличие от европейского, руко-

Применительно к фашистской Италии и нацистской Германии можно сказать, что это – специфические, антиправовые деформации обществ, относящихся к *правовому* типу культуры, переживающих срыв индустриальной модернизации и, как следствие, «бунт» «взбесившейся» потестарной субкультуры⁵⁰. В этих странах были разрушены публично-правовые институты, и гарантии собственности здесь понизились «на порядок» (в математическом значении этого термина). Эти деформации повернули их эволюцию *в направлении* к потестарному социокультурному типу. Но этот поворот *не означает изменение культурного типа*, и оба режима не посягали на институт собственности как таковой (в нашей интерпретации – и не могли посягать, так как это противоречит их культурному архетипу). Следовательно, они были лишь внешне похожими на тоталитаризм, были диктатурами потестарной субкультуры, но цивилизационно они были, скорее, «тоталитарным социал-капитализмом», нежели действительным тоталитаризмом⁵¹.

Итак, наличие двух социокультурных типов, проявившееся во всемирной истории, в нашем дискурсе можно интерпретировать по принципу монизма и по принципу дуализма, причем последняя представляется нам более адекватной интерпретацией, поскольку источником развития являются противоположности. Согласно первой интерпретации, всемирно-исторический прогресс есть переход от меньшей к большей свободе человека, что выражается в постепенном вытеснении социокультуры потестарного типа социокультурой правового типа. Согласно второй – всемирно-исторический прогресс происходил и будет происходить в столкновении двух противоположных социокультурных типов, и при этом каждый из них производит и будет производить свои исторические цивилизационные типы.

Мы исходим из того, что социальная природа человека⁵² демонстрирует два фундаментальных начала: правовое, обеспечивающее развитие человечества как вида, и потестарное, обеспечивающее выживание вида и, в частности, отдельных

водствовало не правовыми нормами, а моральными заповедями (“судить не по закону, а по совести”); 2) устойчивая деспотическая государственная власть, установившаяся при монголах и восстанавливающая себя при исторических испытаниях; 3) постоянные нашествия врагов с юга и запада, требующие мобилизации и централизации всех сил общества на отражение агрессии и тем самым оправдывающие политическую формацию и консервирующие патриархальность общины; 4) патриархальная ментальность народной массы (социальный генотип), укрепившаяся при монголах, делающая эту власть востребованной» (Соколов С.В. Социальная философия. С. 253).

⁵⁰ В любом обществе срыв модернизации в индустриальную эпоху проявляется в установлении новых силовых институтов, но культурный архетип при этом не меняется. Срыв модернизации в конкретной культуре правового типа отбрасывает ее назад, с точки зрения развития свободы, но через некоторое время доминанта правовой субкультуры восстанавливается – быстрее или медленнее, в зависимости от наличия или отсутствия благоприятствующих этому факторов. Так, быстрое, исторически «моментальное» уничтожение нацизма внешней силой сделало возможным восстановление правовых институтов в той части Германии, которая была оккупирована западными державами, всего лишь через 15 лет после начала нацистского эксперимента; в Восточной же Германии их восстановление отложилось до окончания коммунистического эксперимента и происходило более болезненно, чем в свое время в Западной Германии, но все же успешно; а вот в посттоталитарной России, несмотря на известный прогресс свободы, конституционные правовые институты никак не приживаются, так как они противоречат российской традиции.

⁵¹ О национал-социализме и фашизме как о «промышленном феодализме» см.: *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 596–598.

⁵² Новейшие исследования показали, что первичной является не разумная, а бессознательная, интуитивная, генетически запрограммированная реакция людей на неравенство при распределении социальных благ (такая реакция может частично усиливаться или ослабляться ранним социальным опытом). При этом типологически разные реакции позволили выделить две группы: люди с «просоциальной» ориентацией негативно реагируют на нарушение уравниловки и не стремятся получить больше других, «индивидуалисты» же подсознательно стремятся к получению максимальной выгоды и негативно реагируют только на ее уменьшение. См.: *Haruno M., Frith Ch. D.* [Masahiko Haruno & Christopher D Frith] Activity in the amygdala elicited by unfair divisions predicts social value orientation // *Nature Neuroscience*. December 2009. Vol. 12. № 12. Advance online publication (<http://www.nature.com/neuro/journal/vaop/ncurrent/pdf/nn.2468.pdf>).

социальных систем, во враждебной среде. Эти два начала проявляются и как принципы противоположных социокультурных типов, и как субкультуры в культурах отдельных народов, и как конкурирующие институты отдельных цивилизаций. Уже в обществах первобытных охотников-собираателей складывались институты и эквивалентного обмена, и публично-властного (потестарного) распределения и перераспределения. Если социокультура формировалась в относительно благоприятной среде, когда нет необходимости мобилизовать, ради выживания, все ресурсы общества, то могли доминировать институты правового типа, обеспечивающие удовлетворение потребностей посредством эквивалентного обмена, стимулирующие рост производительности труда, и, в конечном счете, обеспечивающие не просто сохранение (выживание), а развитие человечества как вида (развитие группы на основе внутригруппового отбора делает группу более конкурентной в сравнении с теми, в которых такой отбор тормозится уравнилельно-распределительными институтами). Если же социокультура формировалась во враждебной, агрессивной среде, то однозначно доминировали институты потестарного типа, подчиняющие социальные обмены «общим интересам» – в том виде, как их понимают носители социальной власти. Понятно, что в начале цивилизованной истории социокультуры формировались по второму пути, и греко-римская правовая цивилизация является труднообъяснимым исключением из общего правила. В дальнейшем ходе истории капиталистическая цивилизация продемонстрировала большую конкурентоспособность в сравнении с цивилизациями потестарного типа, что до сих пор выражается в мировом господстве «золотого миллиарда». Но внутри правового цивилизационного сообщества существуют и постоянно воспроизводятся субкультуры, отвергающие ценность правовых институтов и формирующие институты потестарного типа (перераспределительные).

К сожалению, В.С. Нерсесянц не уделял специально внимания историческому возникновению и становлению права, и лишь в учебнике общей теории права и государства он затронул этот вопрос. Правда он ограничился формальным рассуждением о том, что правовая свобода возникает там, где происходит разделение на свободных и рабов⁵³. Более существенным представляется другое рассуждение В.С. Нерсесянца – о том, что свобода *далеко не везде* вызрела «в своей несовместимой противоположности к несвободе рабства», это было исключением, а не правилом, и в «неразвитых обществах на смену первобытнообщинному строю пришел деспотический строй»⁵⁴. Право же возникло только у греков, римлян и германцев, а другие народы надолго (некоторые до сих пор) «застряли в силовом поле деспотизма»⁵⁵. Почему право возникло вообще, если у большинства народов оно не возникло, и почему оно возникло именно у греков, римлян и германцев – остается неясным.

Но уже приведенные тезисы В.С. Нерсесянца наводят на мысль о проявлении во всемирной истории двух принципов – правового и потестарного, тем более, что в исследованиях В.С. Нерсесянца достаточно подробно объяснена неправовая, силовая сущность тоталитаризма (советского и подобного коммунизма). В связи с этим достаточно неожиданным выглядит утверждение о наличии в человеческой истории *единой* цивилизации, компонентами которой являются самобытные цивилизации отдельных народов⁵⁶. Если считать, что единый общецивилизационный принцип проявляется в историческом прогрессе свободы, то можно ли считать и тоталитаризм самобытным проявлением этого принципа, не говоря уже о народах, которые до сих пор «застряли в силовом поле деспотизма»? (Здесь можно отметить и то обстоятельство, что В.С. Нерсесянц полагал доктринальным преуве-

⁵³ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. С. 233–234.

⁵⁴ Там же. С. 234.

⁵⁵ Там же. С. 234–235.

⁵⁶ Там же. С. 241.

личением положение Гегеля о том, что «мировой дух» проявляется в истории лишь отдельных народов, каждый из которых знаменует собой целую историческую эпоху⁵⁷). Если же признать, что исторический прогресс свободы происходит в процессе исторической конкуренции и в столкновении с деспотическим, потестарным принципом, тогда можно ли говорить о правовых и деспотических цивилизациях как всего лишь «самобытных цивилизациях», как о простых «компонентах единой мировой цивилизации»? Или нужно говорить о глобальной конкуренции двух типов цивилизации и о фундаментальном противоречии двух цивилизационных принципов, которое и является источником цивилизационного развития? Вопросы, на наш взгляд, риторические...

В нашей интерпретации, греко-римская цивилизация, демонстрирующая на определенной стадии своего развития доминирование институтов правового типа (в пользу этого утверждения свидетельствует римское частное право), исторически сменяется не более прогрессивной, с точки зрения свободы, а смешанной цивилизацией западного феодализма, в которой отчасти сохраняются, хотя и деформируются, правовые институты, достигнутые в античности. Собственно феодальные институты, определяющие отношения феодала с крестьянской общиной, являются институтами потестарного типа. И поскольку они доминируют в раннем средневековье, нет оснований считать переход к феодализму историческим прогрессом права. Но институты правового типа развиваются в культуре средневекового города, что и обеспечивает Возрождение – в частности, возрождение правовой культуры.

Исторически более прогрессивным типом права, в нашей интерпретации, является капитализм, при котором достигается всеобщее равенство в свободе, чего не могло быть в аграрном обществе, в античной исторически неразвитой правовой ситуации, не говоря уже о феодализме. Но, просуществовав полтора столетия, капитализм стал разрушаться в результате становления институтов государственного интервенционизма – институтов потестарного типа. И в XX веке он сменился новым цивилизационным типом – западным социал-капитализмом.

По этой логике, дальнейшее развитие правовой социокультуры должно породить переход от западного социал-капитализма к исторически новому типу права – постиндустриальному, который будет достигнут в предполагаемом «информационном обществе». Правда при условии, что современная западная культура, разрушаемая миллионами мигрантов-носителей потестарной культуры, не разрушится окончательно.

Вместе с тем исторический прогресс права можно представить не только как процесс последовательной смены четырех цивилизационных типов, но и как циклический процесс и последовательную смену двух известных на сегодняшний день исторических циклов. Такой подход позволяет устранить существенное противоречие четырехэтапной типологии, а именно то, что греко-римская античность однозначно объявляется правовым (но исторически неразвитым) цивилизационным типом, хотя формальное равенство для нее как раз не является типичным⁵⁸. При таком подходе греко-римская античность представляется уже не просто как исторически первая цивилизация, демонстрирующая правовой культурный архетип, а как цивилизационное пространство, в котором исторически конкурируют правовой и потестарный архетипы и совершается первый цикл исторического прогресса права. В рамках этого цикла происходит возникновение античного типа правовой культуры, его максимальное распространение, а затем упадок и его вытеснение потестарным, перераспределительным началом и, в итоге, гибель этой цивилизации – быстрая на западе и медленная на востоке

⁵⁷ Там же. С. 242–243.

⁵⁸ Подробный анализ формального неравенства в западном мире в аграрную эпоху см.: *Разуваев Н.В.* Субъект права как историко-культурная категория // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. М., 2007. С. 55–66.

Римской империи. Далее, западный феодализм, капитализм и западный социал-капитализм в этой версии выступают уже не только как самостоятельные исторически-цивилизационные типы, а как три закономерных этапа второго цикла исторического прогресса права.

Алгоритм изменений, происходящих в соотношении институтов, подтверждает цикличность исторического развития правовой культуры. Так, в истории античной цивилизации, которая начинается после гибели крито-микенской и минойской культур, был свой период «темных веков», с парцелльным натуральным хозяйством, затем – развитие рынка и экономическое процветание (показателем высокого уровня развития рынка является римское частное право) и, наконец, период «античного государственного интервенционизма», завершившийся разрушением правовых институтов и гибелью цивилизации⁵⁹. В истории западной цивилизации, созданной германцами, мы видим то же самое: «темные века» и натуральное хозяйство, рынок и капитализм и, наконец, социал-капитализм и государственный интервенционизм. Но в античной цивилизации, исторически неразвитой в правовом отношении, правовые институты и не могли противодействовать их демократическому (в Афинах) и авторитарному (в Риме) разрушению. В условиях же современного западного социал-капитализма, к которому пришло общество с развитыми правовыми институтами, продолжается интенсивное развитие этих институтов, хотя сфера действия права сузилась в сравнении с капитализмом.

В заключение – несколько слов о перспективах российской цивилизации с точки зрения предлагаемой историко-цивилизационной типологии. Особенно идентификации России связаны с тем, что в ней традиционно доминировала субкультура потестарного типа, и с сохранением в ней институтов природоресурсного типа. Россия не трансформируется ни в капитализм, ни в западный социал-капитализм. И в период разложения коммунизма, и в посткоммунистической ситуации общественное развитие определяется одним и тем же процессом. *Это соединение политической власти и собственности.* Такое положение соответствует не индустриальному, а аграрному, природоресурсному обществу. Постсоциалистическое государство – это все еще «государь-ство» (а не *res publica*) – субъект, осуществляющий правомочия верховного собственника. Создается такая собственность, которая еще не свободна от государственной власти, и такая государственная власть, которая еще не свободна от собственности. Это ситуация, характерная для феодализма (В.С. Нерсисянц), добавлю – для восточного феодализма. В такой ситуации гражданское общество в принципе формироваться не может. Здесь сохраняется ресурсное государство и сословная социальная структура⁶⁰. Российские правящие группы объективно не заинтересованы в модернизации, становлении институтов индустриального общества, особенно – частной собственности, поскольку при таком развитии они утратят господствующее положение.

Ю.В. Латов в рецензии на книги Е.Г. Ясина⁶¹ и Е.Т. Гайдара⁶² сделал вывод, что взгляды российских либералов переживают сдвиг от неоклассического либерализма к институционализму. Российские либералы начинают осознавать, что институциональные изменения далеко не всегда возможны, и для российской

⁵⁹ *Санов Г.* Собственность: условие человеческой деятельности и юридическая категория // Отечественные записки. 2004. № 6 (20) (<http://www.strana-oz.ru/?numid=21&article=970>); *Санов Г.* От Моисея до наших дней // Отечественные записки. 2002. № 4–5 (5) (<http://www.strana-oz.ru/?numid=5&article=244>).

⁶⁰ См.: *Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России. М., 2008. С. 37–39;

⁶¹ *Ясин Е.Г.* Новая эпоха – старые тревоги: Экономическая политика. М., 2004; *Он же.* Новая эпоха – старые тревоги: Политическая экономия. М., 2004.

⁶² *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической теории. М., 2005.

социокультуры не характерно стремление к экономической и политической свободе⁶³. Я согласен с этим выводом.

⁶³ *Юрий Латов*. Книги Егора Гайдара и Евгения Ясина как зеркало российского либерализма // Неприкосновенный запас. 2005. № 5 (43) (<http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/la21.html>).